

М. М. Валенцова

Институт славяноведения РАН

Москва, Россия

mvalent@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6541-4269>

Славянская демононимия: типология и ареалогия

Анализируются славянские демононимиконы с точки зрения их состава, структуры, генезиса. Они демонстрируют значительное единство, обогащенное заимствованиями из соседних инославянских традиций и вариативными номинациями в соответствии с развитием отдельных славянских языковых систем.

К л ю ч е в ы е с л о в а : этнолингвистика; славянская демонология; демононимия; типология; ареалогия

1. Изучение славянской низшей мифологии имеет длительную историю. Накоплены значительные сведения, выполнены разнообразные исследования всех славянских традиций: собраны и изданы мифологические, фольклорные и лингвистические материалы, включая мифологические словари и этимологические исследования демононимов отдельных славянских языков.

Следующим этапом становится сравнительно-сопоставительное, типологическое и ареальное исследование славянских демонологических систем и их терминологии. Такое масштабное и полное привлечение материала всех славянских традиций (по оценке Л. Раденковича, славянских мифологических персонажей (далее — МП) «несколько сотен» [Раденковић, 2013, 14]) способно продемонстрировать типологию мифонимов, высветить архаический слой общеславянской мифологии; позволяет сопоставить реликты, сохранившиеся на периферии в существенно отдаленных друг от друга регионах; оценить долю собственных мифонимов в каждой из традиций и вес влияний и заимствований из соседних неславянских традиций; указать на возможные маршруты культурных и этнических миграций и т. п. Очевидно, что подобные исследования невозможны без этимологической интерпретации мифологической лексики.

В этой небольшой статье приводятся лишь некоторые положения и предварительные выводы, сделанные на основе анализа общеславянского демононимикона.

2. Изучение демононимов немыслимо в отрыве от их денотата — системы МП. Славянские традиции демонстрируют в целом очень сходную систему представлений о демонических существах и сверхъестественном. Такая инвариантная система включает персонифицированных или неперсонифицированных духов природного (лес, вода, воздух, поле, земля, горы и подземелье) и домашнего пространства (дом, двор, баня, гумно, хлев и т. п.), духов времени (полдень, полночь, дни недели, праздники), персонификацию состояний (страх, болезнь, смерть, судьба / доля), чертей и бесов, души умерших («чистых» родителей и «нечистых», преждевременно погибших), полудемонов, т. е. людей, обладающих сверхъестественными способностями (ведьмы и колдуны, знахари и лекари, оборотни, облакопрогонники, предсказатели), мифических великанов и гномов, мифических и мифологизированных животных и птиц (василиск, единорог; змея, жаба, волк, медведь, аист, кукушка и др.).

Этим группам соответствуют лексико-семантические группы демононимов, представленных, хоть и с разным удельным весом, во всех славянских традициях.

В основе славянской мифологической терминологии — генетически единое ядро общих праславянских демононимов. Среди них *яга* / *язя*, *змей*, *дед*, *род* / *рожаница*, *веда* / *ведьма*, *ночь* / *ночница* и др., в том числе слова, восходящие к индоевропейской древности: *буба*, *бес*, *вила*, *дива*, *мара*, *юда* и некоторые другие, многочисленные варианты которых появились уже в период развития национальных языков и диалектов.

Например, в слове *buba* ‘персонаж для устрашения детей’ выделяют звукоподражательный корень **bu-* (< и.-е. **b(e)u-*) [Дукова, 2015, 15–19]. Слав. *бес* (**běsъ* < **bēd-sъ*) имеет точные соответствия в лит. *baĩsas* ‘ужасный призрак, ужасное видение’, лтш. *baiss* ‘страх, ужас’ (< **baid-sa-*), восходящие к и.-е. **bhoid-so-* [Там же, 22].

Имя *бабы яги* / *язи* известно всем славянам, но в восточнославянских языках оно обозначает лесную колдунью, повелительницу зверей и похитительницу детей, лишь изредка помогающую героям сказки,

в западнославянских традициях это чаще всего ведьма, а в южнославянских слова с этим корнем обозначают болезнь, слабость, страдание. Однако корень **ęga* / **ęza* имеет праславянскую и, возможно, индоевропейскую древность, если считать его древним названием змеи, ср. сопоставление с лит. *angis* ‘уж’ < и.-е. **angʰis* ‘змея’ [ЭССЯ, 40, 123] или с и.-е. **egh(i)* ‘змея’ — той же основы, что и **ežь*, первоначально ‘змеиный’ [ЭССЯ, 6, 37].

Помимо лексико-семантического и генетического, славянский демононимикон обладает структурным деривационным единством.

Во-первых, это одинаковые принципы семантической (метонимической) мотивации, в основе которых лежат названия:

- действий: *юда* (реконструируемые значения ‘двигаться, стремительно нестись’ [см.: Валенцова, 2021]), *вила* (‘вить, веять, дуть’ [см.: Дукова, 2015, 29]);

- названия чувств: *бес* (в основе значение ‘страх, испуг’), *страх* (самостоятельный карпато-украинский персонаж);

- состояний: *мора* (‘морок, обман’ [см.: Валенцова, 2013, 53–55]), *навь* (‘умерший’ [см.: ЭССЯ, 24, 49–52]);

- природных явлений: *перун* (‘гром’), *ветер*;

- животных: *змей*, *ласка*, *жаба*

и т. п.

Хотя основной пласт современной мифологической лексики сформировался, как показывает материал, уже в национальных языках или языковых зонах (типа полесской), велика доля сходных аффиксальных производных от праславянских корней. Например, среди названий водяного популярны прилагательные с суффиксом *ан-/ен-*: рус. *водяной* (*дедушка*), белорус. *вадзяны* (*дзед*), укр. полес. *водяный*, серб. *водени човек*, хорв. *vodeni muž*, слов. *vodeni mož*. Также повторяются демононимы с иными аффиксами: белорус. *вадзянык*, укр. *водяник*, чеш. *vodník*, слов. *vodník*, *vodnák*, *vodnár*, польск. *wodnik*, серб. *водац*, *водењак*, хорв. *vodenjak*, *vodnik*, слов. *povodnjak*, *vodovnik*, *vodnar* и под.

Названия демона ночи демонстрируют значительное деривационное единство: рус. *нощница*, *полунощница*, белорус. *начніца*, укр. *ночница*, *нічніца*, *полунощница*, польск. *nocznica*, *pospnica*, чеш. *půlnočnice*, слов. *počnica*, с.-луж. *pospnica*, болг. *пулонишница* (< *полунощница*), серб. *ноћница*, хорв. *počnica*, но и здесь встречаются альтернативные

образования: чеш. *posula*, *poční poluda*, слвц. *poslica*, болг. *ношно*, слвн. *počnina*, *počna baba* и под.

3. При идентичном в целом составе МП структура демонологических систем и, соответственно, их терминология в отдельных славянских традициях различается. Это происходит, во-первых, за счет отсутствия тематических групп (например, гномы и горные духи неактуальны для русской традиции, погодные демоны — для восточнославянской, леший — для южных славян), во-вторых, за счет заимствования новых персонажей и понятий (например, чеш. *divoká honba* ‘дикая охота’, с.-луж. *fajerman* ‘огненный человек’) или только имен, влияющих тем не менее на свойства «своего» персонажа (болг. *сайбия*, *таласъм* ‘домовой’, чеш. *hastrman*, *vaserman* ‘водяной’). Различаются традиции весом и значимостью отдельных групп персонажей, наиболее популярные из которых обычно имеют разветвленную систему имен. Например, великаны в восточнославянских традициях находятся на периферии системы с немногочисленными номинациями: рус. *волоты*, *осилки*, *чудь*, белорус. *валоты*, *асілкi*, *шведы*, укр. *вельтннi*, *волоты*. Больше легенд о великанах и, соответственно, их имен известно южнославянским народам (болг. *елени*, *латини*, серб. *айд*, *див*, *дивљан*, *исполин*, *горостас*, *оријаши*, *иун*, хорв. *gorostas*, *orijaš*, *hajd*, слвн. *velikán*, *orjáak*, *orjáš*, *oger*, *hrust*, *dovjež*, *stramór*, *ajd*, *hajd*, *ajdovska deklica*, *Dardaj*, *Dardak*, *grk*, *rimska dèklica*, *lah*). Наименований гномов у восточных и южных славян практически нет (за исключением словенцев: *palček*, *palečnjak*, *ninek*, *nendljek*, *malič*, *škrat*, *šetek*, *kápič*), но в западнославянских традициях гномы являются полноценным членом мифологической системы (чеш. *trpaslík*, *trpaslíček*, *trpaslice*, *pididuch*, *pidihoch*, *pidimužik*, *pidiženka*, морав. (pl.) *luckové*, *luček*, слвц. *trpaslík*, *piadimužik*, *permoňik*, *matiašek*, *ľudík*, *zakerpatelec*, польск. (pl.) *krasnoludki*, *podziomki*, *krosnalci*, *karzelci*, *koboldove*, кашуб. *drebné*, с.-луж. (pl.) *palčiki*, *lutki* (*ludki*), *lužki*, *paljački*, *nócne žédki*), что, очевидно, связано с влиянием немецкой традиции.

Различаться по традициям могут также отдельные элементы образа МП, известного всем славянам: внешний вид, функции, свойства. Например, домовый дух, «хозяин», «дед» известен всем славянам в виде антропоморфного духа-предка (рус. *домовой*, *домовик*, *хозяинушко*, *дед(ко)*, белорус. *дамавік*, *дававой*, *гаспадар*, *хатнік*, укр. *домовик*,

хозяин, болг. *дядото*, *стопан на къща*, слвн. *gospodarček, šetek, dedek*, чеш. *šetek / šotek, skřítek*, слвц. *dedko, bôžik, škratek*, польск. *dziad, uboże, skrzat*) и в виде домашней змеи (рус. *домашний вуж, дворовая гадюка*, белорус. *вуж-домовы, смок, хазяін*, полес. *домовык, вуж-домовы, хозяин*, серб. *змија-чуваркућа, кућна змија, чуварица*, болг. *стопан(ин), сайбия*, макед. *домашир, сажбија*, чеш. *had domovníček, hospodáříček*, слвц. *domáci had, starý dedo, domový gazda*, польск. *gospodarz-wąż*, с.-луж. *huž, wuž-góspodař*). Но в восточнославянских традициях тип антропоморфного домового является основным, а в западно- и южнославянских такой божок-«дедок» лишь упоминается (практически нет образа), оказавшись вытесненным образом домашней змеи. Кроме того, к домашним демонам (домашним чертям) у западных славян стали относить и демона-обогапителя, которого можно приобрести, найти или вывести из яйца и который будет носить хозяину блага (в других традициях аналогичные персонажи к домашним демонам не относятся). Ареальная картина распространения у славян поверий о демоне-обогапителе (в центральных частях Балкан представления о духе-обогапителе из яйца почти не известны [Раденковић, 2013, 18]) позволяет говорить о западноевропейском источнике их иррадиации.

Эти и другие различия (например, формирование у южных славян более дробного состава класса «демоны локусов») дают право исследователям говорить о том, что «народная демонология славянских народов очень разнородна», что в ней отражены «культурно-исторические условия, в которых жили отдельные славянские народы», языковые и диалектные различия, заметные также «в рамках одной культурной зоны, что показывает картографирование» [Раденковић, 2013, 19–20].

Действительно, карты и атласы показывают разноуровневые различия в номинациях демонов (фонетические, словообразовательные, лексические и семантические), которые в рамках общеславянской демонологической системы можно считать диалектными и макродиалектными. Все они — результат самостоятельного развития славянских языков и диалектов начиная с самого раннего времени, с периода великого расселения славян, положившего начало формированию трех групп языков.

Наиболее показательную картину различий в демонологической лексике, создающую эффект отдельности, специфичности традиции, формируют заимствования:

■ германские в западнославянских и словенской (чеш. *skřítek*, слвц. *škriatok*, польск. *skrzat(ek)*, слвн. *škrateljč* < нем. *Schrat* ‘черт, лесной дух’; чеш., морав., з.-слвц. *hastrman*, *bastrman* < нем. *Wassermann* < *Wazzerman*; морав. *perkmaníček*, *permonik*, слвц. *permoník*, польск. *bergajst*, слвн. *berkmandelc*, *perkmandelj* < нем. *Berggeist* или *Bergmann*; слвц., слвн. *tatrmán* < нем. *taterman* ‘чертеноч’; чеш. *Rýbrcoul*, *Librcoun*, слвн. *Libercun* < нем. *Rubezahl* ‘дух исполинских гор’; польск. *chobold*, *kobold* < нем. *Kobold* ‘домовой, гном’ и др.);

■ венгерские и румынские в карпатских (слвц., морав. *bosorka*, карп.-укр. *босорка*, *босор(кош)*, польск. *baśorka*, *basorka* < венг. *boszorkány* ‘привидение, дух’ < тюрк. *basyrkan* ‘мора’; слвц., морав. *šarkan*, карп.-укр. *шаркань*, польск. *siarkan*, с.-х. *шаркань*, болг. *шаркань* (Банат) < венг. *sárkány* ‘дракон’; слвц. *striga*, польск. *strzyga*, лемк. *striga*, с.-х. диал. *striga*, слвн. *štrija* < рум. *strigă* < ит. *strega* < лат. *strīx* < греч. στρίγγα ‘сова’);

■ финно-угорские в севернорусской (сев.-рус. *лембой* < фин. *lembo* ‘лесной черт’; *мардуй* < эст. *mardus* ‘привидение’; *вергой* < фин. *verkanen* ‘черт’; сев.-рус. *шуйко* < мар. *шеике*, фин. *sisko* ‘сноха’ и др.);

■ литовские в белорусской, польской и севернорусской (белорус. *лаума*, польск. *ławty* < лит. *Laūmė* ‘ведьма’; польск. *ajtwaras*, *atwor* < лит. *aitvaras* ‘огненный змей’; польск. *kautki* < лит. *kaukas* ‘домовой’; рус. *кикимора* < лит. *kaukas* + *mara*);

■ тюркские, иранские, греческие в южнославянских (болг. *аждарха* < н.-перс. *aždar(hā)* ‘дракон’; болг. *джин*, *жин*, серб. *џин* < тур. *cin* < ар. *ġinn*; болг. *карако́нджо(л)*, с.-х. *караконџола* < тур. *karakoncolos*; болг. *ла́мѝ*, серб. *ламѝа* < н.-греч. *λάμια* и др.).

Выявление в дальнейшем изоглосс и изодокс в славянской демонологии может свидетельствовать либо о сохранившихся в разных частях славянского мира архаизмах, либо о сходствах типологического характера.

Валенцова М. М. Этнолингвистический комментарий к этимологии слов *мара* и *упырь* // Etymology: An old discipline in new contexts / ed. by B. Vyčpěl, V. Boček. Brno : Lidové noviny, 2013. P. 85–99.

Валенцова М. М. Еще раз о демониме *юда* // Балто-славянские исследования XXI / отв. ред. В. А. Дыбо. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2021. С. 427–445.

Дукова У. Наименования демонов в болгарском языке / отв. ред. И. А. Седакова. М. : Индрик, 2015.

Раденковић Љ. Словенска народна демонологија на синхроним и дијахроним плану // Зборник Матице српке за славистику. 2013. № 83. С. 9–23.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. М. : Наука, 1974–. Вып. 1–.

Ж. Ж. Варбот

Институт русского языка

им. В. В. Виноградова РАН

Москва, Россия

zhannavarbot@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-9783-4292>

К этимологии праслав. **rana*

Семантика др.-рус. *рана* ‘побои, наказание, поражение’ и чешских фразеологизмов с участием *rána* — обозначений движения, стремления, достижения, ущерба — является основанием для предположения об образовании праслав. **rana* от праслав. **roniti* ‘ронять (вызывать падение), терять’ → ‘потеря, разрушение, ущерб’ (ср. рус. *урон*), с реконструкцией первичного значения праслав. **rana* ‘*результат (на)падения’ → ‘напасть, ущерб’. Значение чеш. *rána* ‘множество’ (во фразеологизмах) позволяет допустить также другое семантическое развитие от ‘ронять’: ‘*результат (на)падения’ → ‘накопление (= что напáдало)’ — и, соответственно, амбивалентность первичной семантики праслав. **rana* ‘*результат (на)падения’ = ‘*множество’ / ‘ущерб’.

К л ю ч е в ы е с л о в а: праславянская этимология; семантическая реконструкция; диалектная лексика

В толковании происхождения праслав. **rana* преобладает мнение об исходном и.-е. **uronā* от и.-е. **uer-* ‘раздирать, царапать’, родственном **uronō-* > др.-инд. *vraná* ‘рана, трещина, царапина’ [Pokorný, 1, 1163]. При этом принимается утрата в праславянском языке *u* перед *r*. Другие существующие версии — от и.-е. **(e)re* ‘раздирать’ (др.-инд. *īrta* ‘рана’, лит. *irti* ‘разорваться’), родство с авест. *rāna*